

Саморегуляция обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций

УДК 165

Раиса ДОЖДИКОВА,
кандидат философских
наук, доцент

Раиса ДОЖДИКОВА. Саморегуляция обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций. Эxpлицитированы этапы становления и механизмы саморегуляции обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций. Сделан вывод, что ее основными социокультурными механизмами являются целеполагание, совместный труд, привычки, знания-навыки, речь, подражание образцам деятельности, поведения и общения, а также здравый смысл и народные приметы, которые обобщаются в картине жизненного мира, ценностных ориентациях, философии здравого смысла.

Ключевые слова: саморегуляция, обыденное познание, практическая ситуация, целеполагание, совместный труд, речь, подражание.

Raisa DOZHDIKOVA. Self-regulation of everyday cognition in the context of practical daily situations. The author explicates the formation stages and self-regulation mechanisms of everyday cognition in the context of everyday practical situations. A conclusion has been made that its main sociocultural mechanisms are goal-setting, joint work, habits, knowledge-skills, speech, imitation of patterns of activity, behavior and communication, as well as common sense and popular superstitions, which find their generalized representation in the picture of the life world, values, philosophy of common sense.

Keywords: self-regulation, everyday cognition, practical situation, goal setting, joint work, speech, imitation.

Анализ повседневного познания позволяет не только разобраться в основаниях нашей жизни и деятельности, но и понять себя. Именно обыденное познание обеспечивает нормальную жизнедеятельность в сфере труда, быта и досуга, освоение социокультурных программ поведения, общения, деятельности, их трансляцию, является когнитивным фактором воспроизводства общественной жизни [1]. Обыденное познание – это донаучный, дотеоретический, несистематизированный повседневный наличный опыт, это переживание, осмысление и освоение человеком окружающей природной и социальной среды, самого себя, своего жизненного мира, своих ценностных ориентаций и смысла жизни, базовых мировоззренческих универсалий [2, с. 41]. Повседневное познание сопровождает каждое наше действие, общение, поступок, но многие из нас даже не задумываются об этом. Однако реальность такова, что сегодня жизнь, деятельность и общение большинства людей опосредованы электронными средствами, позволяющими не выходя из дома осуществлять и работу, и общение, решать свои житейские, бытовые проблемы. В этом смысле и в связи с необходимостью адекватной реакции на информационный шум, многочисленные фейки и дезинформацию возрастает роль исследования механизмов саморегуляции обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций.

Обыденное познание органически включено во все виды человеческой деятельности, выполняет функцию ориентации и саморегуляции в повседневных практических ситуациях. Например, когда реклама

навязчиво предлагает купить товары и продукты, наносящие вред здоровью (содержащие много сахара, соли и т. д.), здравый смысл, житейская мудрость, «ходячий ум народа» (поговорки и пословицы) советуют все же семь раз отмерить – один раз отрезать, предлагают проверить информацию, взвешенно отнестись к возможным покупкам. В своей повседневной жизни мы руководствуемся подобными неписаными правилами, которые И. Кант назвал «ходячими, эмпирически применяемыми правилами», заимствованными у обыденного разума, своего рода «аксиомами» [3, с. 429]. Обыденное познание оказывает влияние на формирование ценностных и профессиональных ориентаций, картину мира и образ жизни человека.

Методологические подходы к анализу обыденного познания

Понять обыденность, а тем более обыденное познание, непросто. В свое время А.Ф. Лосев говорил о сложности не только объяснения, но даже описания самой обыкновенной, непосредственно-человеческой, абсолютно дотеоретической точки зрения: «Нет ничего труднее в философии, как описать самую обыкновенную непосредственность» [4, с. 586]. Эта мысль А.Ф. Лосева может быть отнесена к обыкновенному (обыденному), непосредственно-человеческому, дотеоретическому познанию. Важность анализа повседневного мышления и познания, учета реальных жизненных факторов, установок, мотивов и предпосылок научного исследования подчеркивал А. Эйнштейн, который утверждал, что «вся наука является не чем иным, как усовершенствованием повседневного мышления. Поэтому критический ум физика не может ограничиться рассмотрением только своей собственной области. Он не может двигаться вперед без критического рассмотрения более сложной проблемы: анализа повседневного мышления» [5, с. 200]. Исследование обыденного познания позволяет эксплицировать не только скрытые «пружины» научного исследования, но и механизмы его саморегуляции в повседневных практических ситуациях. Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В.С. Степин подчеркивал значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [6, с. 3]. Эта продуктивная позиция помогает понять не только источники и предпосылки различных видов деятельности людей, включая творчество, но и основания воспроизводства социокультурных программ деятельности, поведения и общения, образа жизни конкретного человека.

Важность исторического подхода к исследованию социокультурных явлений, в том числе обыденности, подчеркивал Э.Б. Тайлор, автор знаменитой книги «Первобытная культура»: «Изучение истоков и первоначального развития цивилизации заслуживает ревностной работы не только как предмет любопытства, но и как весьма важное практическое руководство для понимания настоящего и заключения о будущем. Необходимо использовать всякий путь, могущий привести к знанию, необходимо исследовать любую дверь и убедиться, нет ли возможности ее открыть. Никакой род фактов и свидетельств не должен

[ОБ АВТОРЕ]

ДОЖДИКОВА Раиса Нуриевна.

Родилась в г. Слониме Гродненской области. Окончила Белорусский государственный университет (1978), аспирантуру при этом вузе (1987). С 2020 года – докторант Института философии НАН Беларуси (в форме соискательства).

В 1978–1984 годах работала преподавателем в Гомельском государственном техническом университете. С 1987 по 2024 год –

преподаватель, старший преподаватель, доцент Белорусского национального технического университета.

Кандидат философских наук (1988), доцент (1991).

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе трех монографий.

Сфера научных интересов: эпистемология, обыденное познание, история философии, логика, философия и методология науки.

быть оставлен без внимания из-за отдаленности или сложности, мелочности или обыденности» [7, с. 33]. Исследование феномена обыденного познания обуславливает важность анализа генезиса обыденного познания в процессе антропосоциогенеза. Поэтому целью данного исследования является экспликация этапов становления и механизмов саморегуляции обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций.

Генезис обыденного познания

Исторически обыденное познание сопровождало все формы деятельности и познавательной активности в период, предшествовавший дифференциации общественного сознания. Кроме того, первоначальное повседневно-естественное познание людей во многом было основано на подражании природе. Этот факт подчеркивал уже Демокрит: «От животных <...> мы путем подражания научились важнейшим делам: [а именно мы – ученики] паука в ткацком и портняжном ремеслах, [ученики] ласточки в построении жилищ и [ученики] певчих птиц, лебедя и соловья, в пении» [8, с. 306]. Действительно, «паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [9, с. 185]. Таким образом, отличительной особенностью трудовой и познавательной деятельности человека является целеполагание, т. е. такая форма самопрограммирования и саморегуляции, которая предполагает наличие рефлексии о цели, способе и характере его действий в конкретной практической ситуации.

В своей книге «О начале человеческой истории» Б.Ф. Поршнев отмечает, что труд человека «всегда отличается от инстинктивной деятельности пчелы и любого животного тем, что он предваряется в антропогенезе разумом, абстрактным мышлением. Древнейшие орудия труда в таком случае оказываются „свидетельствами“, „проявлениями“ того, что их создатель был существом мыслящим» [10, с. 383]. Согласно Т. Ярошевскому, «прежде чем познание мира вследствие разделения труда выделилось в самостоятельную область, оно содержалось в зародыше в элементарном процессе труда как рефлексия, возникшая на этой основе, служащая активизации труда» [11, с. 148]. В этом смысле уже на ранних этапах развития человека и человеческого общества обыденное познание выполняло рефлексивную функцию [12, с. 8], служило качественному развитию, совершенствованию труда и самого человека.

О значении подражания в познании говорил и Аристотель, подчеркивая, что люди «даже первые познания приобретают путем подражания», что они «тем ведь и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию» [13, с. 648]. В этом смысле подражание – один из факторов (механизмов) когнитивной социализации, процесса формирования, реконструкции (воспроизводства) и трансляции знания, способствующий процессу адаптации, самопрограммирования и саморегуляции субъекта обыденного познания. Однако основным механизмом его саморегуляции и саморазвития является труд, именно он есть «первое условие человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [14, с. 486]. Повседневное познание человека было включено во все формы его деятельности, начиная с «первых животноеобразных инстинктивных форм труда» [9, с. 185]. Труд начинается с изготовления орудий и формирования трудовых знаний-навыков, которые Фома Аквинский назвал габитуальными, так как «габитуально – то, что в принципе знаем, но в данный момент не мыслим» [15, с. 255]. Можно сказать, что габитуальность является первоначальным, а в дальнейшем специфическим признаком обыденного знания и познания.

Автономность и саморегуляция обыденного познания

Обыденное познание не только исторически, но в известном смысле генетически возникло до формирования теоретического сознания и познания. В процессе наблюдения и взаимодействия с природой человек приобретал первоначальные сведения о свойствах природных объектов, связанных с определенными циклическими природными явлениями, которые со временем превратились не только в так называемые «народные приметы», но и способствовали формированию первоначальной картины мира. Собираательство плодов, растений, корней и грибов сопровождалось сбором сведений о свойствах объектов потребления и со временем превратилось в своего рода охоту, которая в дальнейшем дополнилась охотой на зверей, птиц и рыб (рыбалкой). Охота как вид деятельности стала одновременно охотой за новыми сведениями о свойствах природных объектов, архаическими орудийно-эмпирическими знаниями, знаниями-умениями, знаниями-навыками, – первобытными know-how (технологиями).

Язык знания-действия, эмоциональное переживание реальных наличных ситуаций и взаимодействий формировал язык эмоций, мимики, жестов, имитации звуков природы. На данном этапе антропосоциогенеза не только обыденное познание, но и человеческая речь характеризовались ситуативностью. Вот как об этом говорит Аристотель: «Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость... Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно» [13, с. 379]. Именно в контексте повседневных практических ситуаций осуществлялась саморегуляция обыденного познания, например, речевая коммуникация позволяла предупредить об опасности, передать жизненно важную информацию. Чувственно-телесное (психосоматическое) познание, связанное с переживанием боли, удовольствия или облегчения, способствовало дифференциации ощущений и восприятий, формированию представлений о пользе и вреде того или иного природного продукта: ягод, грибов, трав и т. д.

Франческо Хайес. Аристотель. 1811 год

Обыденное познание было гетерогенным, оно синкретичным образом включало в себя предметное познание (предметно-практический анализ и синтез), нормативное познание и регулирование деятельности, поведения и общения (например, систему запретов-табу), которое в дальнейшем привело к появлению морали и права, а также рефлексивное познание, связанное с целеполаганием, самокоррекцией, самоуправлением, повседневной индукцией и первоначальными формами обобщения и дедукции [16, с. 264–265]. Довербальные знания-пиктограммы постепенно не только выкристаллизовались в некоторые формы живописи как вида искусства, предметы языческого поклонения (тотемы), но и способствовали формированию и развитию иероглифического письменного языка, языка рисунка.

Автономность и саморегуляция обыденного познания связаны с тем, что трудовая и познавательная деятельность человека была «самоуправляема и самокорректируема» [11, с. 148]. Эта важная особенность отличает его жизнедеятельность от жизнедеятельности животного. Обыденное познание осваивало, фиксировало и транслировало определенные модели деятельности, поведения и общения, которые становились со временем примерами (образцами) для подражания, повторения, почитания, «матрицей для

воспроизводства» [17, с. 35]. Эти примеры и образцы превращались в своего рода символы принадлежности к определенной группе в первобытно-племенной иерархии, в знаки отличия, престижа или запрета, способствовали общественному разделению труда, адаптации и адекватной социализации субъекта обыденного познания.

В период, предшествовавший трем крупным общественным разделениям труда (отделение земледелия от скотоводства, отделение ремесла от земледелия, отделение умственного труда от физического), самодостаточность обыденного познания была связана с натуральным типом хозяйства, гендерным (между мужчинами и женщинами) и возрастным (между старшими и младшими) разделениями. Повседневное познание на данном этапе общественно-исторического развития успешно решало проблемы адаптации к существующим условиям жизнедеятельности, фиксации новых форм знания и действия, их трансляции будущим поколениям. «Зародышевые формы научного познания возникли в недрах и на основе <...> обыденного познания, а затем отпочковались от него» [18, с. 45]. Обыденное познание содержало в себе синкретичным образом не только «зародышевые формы научного познания», но и других специализированных форм общественного познания: морального, религиозного, художественно-образного, философского, политического и правового, достижения которых со временем были ассимилированы данным видом социального познания. В этом смысле обыденное познание носило автономный, самодостаточный, гетерогенно-синкретический характер. Основными функциями обыденного познания в это время были регулятивно-хозяйственная, прагматическая, адаптационная, утилитарная и формообразующая. Эти функции приводят к формированию знания-умения, знания-навыка, знания, связанного с привычкой действовать определенным образом. Формообразующая функция обыденного познания приводит не только к появлению новых форм знания и привычек (будущих традиций и технологий), но и к формированию самого человека как социального существа, его языка, форм общественного сознания, возникновению функции когнитивной социализации.

Причинами дифференциации первоначально автономного и самодостаточного обыденного познания явились не только разделение труда, совершенствование орудий труда, их усложнение, освоение и использование новых средств и материалов природы, но и дифференциация первой сигнальной системы высшей нервной деятельности, ее развитие, связанное с развитием психосоматики, мозга, органов чувств, мышления человека, появлением второй сигнальной системы (языка). Логика и практика мышления формировались как следствие фиксации в голове человека последовательности повседневных практических ситуаций, становились основой саморегуляции обыденного познания. По мере развития орудий труда первоначальное гендерное разделение социально-трудовых функций постепенно углублялось и качественно преобразовывалось. Любое орудие труда становилось по сути артефактом, предметом искусства, или *techné*. Умелое (искусное) изготовление орудия труда превращалось не просто в полезную привычку, мастерство, обычай, но и в предмет искусства, в творчество по законам красоты. Сама красота и величие природного и животного мира порой приводили первобытного человека к желанию воспроизвести их в своих примитивных рисунках, украшениях и артефактах, которые в дальнейшем приобрели утилитарно-сигнальный, регулятивно-познавательный смысл и характер. План своих действий во время охоты можно было показать в виде рисунка, а изображения животных превращались в тотемы, предмет поклонения и сакрализации.

Обыденное познание первобытного человека более естественно и непосредственно вплетено в его взаимодействие с миром, нежели у современного человека, деятельность которого опосредована множеством вещей и механизмов. Познание природы было переплетено с познанием себя (самовосприятием) и «другого», ибо «поведение одного существа открывает возможности для поведения другого» [19, с. 200]. В процессе повседневных практических ситуаций и освоения сферы своего природного обитания субъект обыденного познания приобретает разнообразные знания, например своего «теперь» (времени), «здесь» (пространства),

«так» (ценностей: полезно-вредно, хорошо-плохо, добро-зло), предмета деятельности (вещи). Это способствует формированию первичных универсалий культуры, которые возникают на основе общественной практики, неразрывно связанной с обыденным познанием, в дальнейшем корректируются другими формами социального познания (моральным, научным и т. д.).

Житейская мудрость в форме поговорок и пословиц, а также народные приметы содержат в себе многократно проверенные выводы, советы, предупреждения, предположения, прогнозы, шаблоны поведения и стереотипы мышления применительно к конкретной ситуации. Поведенческие и ментальные схематизмы, основанные на ценностях труда, жизни и учения (век живи – век учись), приоритете добра, диалектике «худа» и «добра» (нет худа без добра), опыте коммуникаций (не имей сто рублей, а имей сто друзей), ценностях ума, юмора и диалога (ум хорошо, а два лучше), уважительном отношении к природе-матушке и земле-кормилице, учат ответственности за любое свое действие, в том числе познавательное и коммуникативное (как аукнется, так и откликнется). Пословицы как проверенные житейским опытом стереотипы поведения и мышления содержат образцы решения практических и познавательных задач (без труда не вытащишь и рыбки из пруда), правила принятия ответственных решений (семь раз отмерь – один раз отрежь), а также запреты (не навреди; не плюй в колодезь; не зная броду, не суйся в воду) [2, с. 111]. Регулирующие социальную жизнь программы деятельности, поведения и общения включают в себя обычаи, привычки, традиции, а также установки, в качестве которых выступают фундаментальные жизненные смыслы и базисные ценности, составляющие содержание универсалий культуры.

Этапы становления и механизмы саморегуляции обыденного познания

Генезис обыденного познания связан с переходом от архаических форм орудийно-эмпирического знания и познания к архетипическому (мифологическому) знанию и познанию, а затем к первоначальным неспециализированным формам социального знания и познания [16, с. 265–266]. В социальном познании происходит постоянное взаимодействие и циркуляция смыслов и правил: от житейской философии, морали, религии, повседневной политики, права, искусства и преднаучных знаний к их специализированным формам. Затем следует процесс ассимиляции и адаптации идеалов и норм научного познания к существующим идеалам и нормам обыденного познания с соответствующей их коррекцией [20, с. 34]. Повседневные знания-умения, знания-навыки, привычные схематизмы деятельности со временем преобразовались в традиции, в основу культуры, в информационные социокоды, передаваемые из поколения в поколение. Обыденное познание филогенетически (как исторически развивающийся социокультурный феномен) и онтогенетически (как индивидуальный житейский опыт, формирующийся с рождения до зрелого состояния) системно пронизывает все формы социального познания, включая научное [2, с. 59]. Первоначальное познание мира было антропоморфным, человек наделял природные силы качествами людей и потому относился к ним с должным почтением, не желая «рассердить» их [2, с. 52]. Постепенно познание становилось опосредованным, орудийным, знания превращались в средство существования, продления жизни рода и вида, в техническое умение, технологию, искусство создания новой технической (цифровой) реальности, в силу, преобразующую мир и человека.

Обыденное познание предлагает рецепты решения и урегулирования тех или иных проблем, позволяет освоить и реализовать соответствующие программы деятельности, поведения и общения: месить тесто, выращивать саженцы (программы деятельности), воспитывать детей, ухаживать за больными, общаться с друзьями (программы поведения и общения). Саморегуляция обыденного познания в контексте повседневных практических ситуаций позволяет обычному человеку приспосабливаться к изменяющимся условиям цифровой реальности: менять вид деятельности, осваивать новые технологии и профессии, обучаться на курсах, повышать квалификацию. Основными социокультурными механизмами данного процесса

были и остаются целеполагание, совместный труд, привычки и знания-навыки, ставшие повседневными технологиями, речь, подражание образцам деятельности, поведения и общения, а также здравый смысл и народные приметы, которые обобщаются в картине жизненного мира, ценностных ориентациях и философии здравого смысла.

Статья поступила в редакцию 05.01.2024 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Дождикова, Р.Н. Обыденное познание как когнитивный фактор воспроизводства общественной жизни / Р.Н. Дождикова // Философские исследования: сб. науч. тр. / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии. – Минск: Беларуская навука, 2023. – Вып. 10. – С. 203–211.
2. Дождикова, Р.Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р.Н. Дождикова. – Минск: БНТУ, 2020. – 210 с.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
4. Лосев, А.Ф. История эстетики / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2002. – 703 с.
5. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4 т. / А. Эйнштейн. – М.: Наука, 1967. – Т. 4. – 600 с.
6. Степин, В.С. О методологических подходах к анализу социального познания / В.С. Степин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–10.
7. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
8. Маковельский, А.О. Древнегреческие атомисты / А.О. Маковельский. – Баку: Красный Восток, 1945. – 401 с.
9. Маркс, К. Капитал. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – 907 с.
10. Поршнева, Б.Ф. О начале человеческой истории / Б.Ф. Поршнева. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. Ярошевский, М. Тадеуш М. Размышления о практике / Тадеуш М. Ярошевский. – М.: Прогресс, 1976. – 310 с.
12. Дождикова, Р.Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе / Р.Н. Дождикова // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманит. наук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 7–14.
13. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
14. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 486–499.
15. Аквинский, Ф. Сумма против язычников / Ф. Аквинский. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 440 с.
16. Дождикова, Р.Н. Современная структура обыденного познания / Р.Н. Дождикова // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманит. наук. 2021. – Т. 66, № 3. – С. 263–270.
17. Степин, В.С. Философская антропология и философия культуры / В.С. Степин. – М.: Акад. проект: Альма Матер, 2015. – 542 с.
18. Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
19. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 462 с.
20. Дождикова, Р.Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания / Р.Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2013. – № 2. – С. 33–41.